

Абдукаюм ЮЛДАШЕВ

РАССКАЗЫ

Творческий союз писателей-фантастов Абдукаюма Юлдашева и Владимира Васильева сложился в конце 80-х годов прошлого века, когда в Ташкенте было создано Узбекское отделение всесоюзного творческого объединения молодых писателей-фантастов. Было переведено на русский язык несколько рассказов Абдукаюма Юлдашева, которые были опубликованы в сборниках, в «Звезде Востока» и в других журналах Узбекистана.

Абдукаюм Юлдашев – один из наиболее талантливых и оригинальных писателей-фантастов Узбекистана. Был в составе редколлекции узбекского фантастического журнала «Сирли олам».

Владимир Васильев – поэт, писатель-фантаст, публицист, член Совета по русской литературе Союза писателей Узбекистана. Публиковал свои произведения в Узбекистане и за рубежом (Россия, Украина, Израиль).

БЛИЗНЕЦЫ

1

«Мозг без мысли, как вода без течения – протухает. Наверное, человек это чувствует и потому интуитивно забывает информацией, чаще всего ненужной. Если заглянуть в память человеческую, то у девятерых из десяти она подобна захлапленным кладовым Скупого рыцаря или Гобсека или его восточного коллеги – Коруна, которого поглотила земля за его неумную и неразборчивую алчность...»

Это когда-то сказал я. Точнее, в незапамятные времена написал.

Теперь мне чужда подобная изошренность мышления. Лень. Тем более писать. Мой словарь предельно прост. Я похож на поэта, оставившего горные выси суперметафоричности ради долин простоты. Так бы я выразился в прежние времена, когда глотал без

разбора любую печатную продукцию – от газет-однодневок до бессмертных древних фолиантов.

Мне кажется, что с тех пор прошли, промелькнули, смешались с глиной миллионы и миллионы лет, а я – обреченный на бессмертие, потерявший вкус к жизни горбатый старик, и впереди у меня еще миллионы и миллионы однообразных дней, неотличимых друг от друга, как две капли воды. Жизнь иногда кажется мне бесконечным коридором, на стенах которого непрерывно мигают лампочки: день-ночь, день-ночь. А я иду, иду, иду, и конца не видно... Но и так я подумал бы тогда, а сейчас так бредит смертельно больной, который никак не может умереть.

Я же теперь только усмехаюсь, когда какой-нибудь наивный болван кричит, что жизнь – проточная вода, а время летит, как стрела. Я презирал бы их, если бы не жалел в той степени, на какую еще способен. Они напоминают сумасшедшего, который торчит каменным истуканом у моря, а когда кто-нибудь зачерпнет ведро воды, исходят криком: «Караул!.. Грабят! Вода кончается!..»

Я долго жил.

Я буду жить вечно.

А тогда... Тогда я был сентиментален. Из-за чего ко мне прочно приклеилась кличка «плаксон». При первых же титрах индийских фильмов из глаз моих неудержимо лились слезы, и я сбегал из кинотеатра, не дожидаясь конца фильма, чтобы не дать друзьям возможности поиздеваться над моей заплаканной физиономией. Новеллы с трагическими финалами доводили меня до иступления – я читал их, не замечая смены дня и ночи, я заливал слезами страницу за страницей, а потом заучивал их наизусть. Я был уверен, что подлинная жизнь существует лишь на этих страницах и на экранах кино, а реальность, к которой я прикован цепями судьбы, как Прометей к скале – эта тусклая земля, тусклое небо, тусклые города, тусклые люди – лишь черно-белая тень настоящей жизни, которая почему-то растеряла свои цвета.

Тогда... О, тогда я был добровольным невольником мечты, и она казалась мне столь же материальной, как книга, лежащая на моей ладони. Она притягивала меня к себе, как магнит – железные опилки.

«Я буду жить по-другому, по-другому!» – твердил я, не представляя, как именно, но пребывая в абсолютной уверенности, что буду жить по-другому.

Когда земля купалась в лунном свете, крылатые ангелы шептали мне на ухо нежные слова, и от их горячего дыхания кружилась голова. Ранним утром меня будило не пение птиц, а прикосновение тончайших шелков, влажных от росы... Днем же я спотыкался на ровной дороге – мир расплывался перед моим взором, как стереофильм перед зрителем, потерявшим стереоочки.

Я всегда стремился к одиночеству, желая оставаться единственным невольником и возлюбленным своей мечты. Для меня было невыносимо тяжким испытанием трижды в день садиться к дастархану, чтобы наполнить свой желудок. Меня раздражали застольные беседы, пережевывающие давно пережеванные мелочи жизни. Поэтому когда старший читал благодарственную молитву, я первым восклицал «Аминь! И с превеликим облегчением покидал общество, скрываясь в своем углу, погружаясь в свой таинственный мир.

Грезы легко возносили меня на небеса, а земля казалась лишь временным пристанищем грешных людей. Когда сердце сжимала тоска, когда кинжал ненависти вонзался в душу, меня спасала молитва, состоявшая всего из трех слов: «Завтра будет по-другому...»

А «завтра» почему-то не спешило наступать...

2

Не знаю, Хасан или Хусан, проскрипев кроватью, перевернулся на другой бок и застонал, скрежеща зубами. Бедняге, наверное, приснился какой-то кошмар. Хотел было его разбудить и предложить пиалушку холодного чая, но лень... К тому же в полночь в белом халате с растрепанной бородой – спросонья меня вполне можно принять за привидение. Как бы чего не случилось с перепугу. Хватит с них и того страха, которого они натерпелись от меня вчера.

Ох, пацаны несчастные, у самих кожа желтая, как осенний лист, а туда же – пытаетесь надо мной поиздеваться...

Мысли прервались.

Я уже давно не сплю по ночам.

Как обычно, почувствовав внутренний толчок, понял, что пора вставать. Осторожно поднялся со скрипучей кровати. Вышел во двор. Во дворе лежала куча земли. Полмашины. Я ее с вечера размочил. Все, что будет дальше, могу исполнить с закрытыми глазами. Сейчас возьму пудовый кетмень, заверну штанины выше колен, начну месить глину. Я мастер этого дела. Сейчас приготовлю жидкую глину. Она до вечера будет доходить. Как тесто. Если бы из этой глины испечь лепешки – они непременно получились бы сдобными.

Умылся. Зашел в хужру. Поднял с пола свечу. Хотел поставить ее на подоконник. И вдруг увидел детскую ногу, высунувшуюся из-под одеяла. Пятка что-то мне напомнила. Поднес свечу поближе и осмотрел остальные пятки. Все четыре были совершенно одинаковыми...

Значит... Значит... Теперь я понял, что напомнили мне детские пятки. Нет никаких сомнений – близнецы идут по моим следам. Наслед-ники, по-след-ователи...

Глупые наивные пацаны, вы не испугались бы меня вчера вечером, если бы знали, что вы – такие же, как я. Я иду чуть впереди, но конечный путь у нас один... А пока спите в неведении. Пока еще способны спать...

Если бы я попытался подробно описать ваше будущее, вы не поверили бы ни одному моему слову, назвали бы меня сумасшедшим и долго смеялись надо мной. Но вы бессильны что-либо изменить, как уже родившийся ребенок, как камень, летящий в пропасть. Вернуться с этого пути выше сил человеческих.

Не зря, оказывается, хвалился вчера ваш отец:

– Мои близнецы – моя опора! Я начал строить новый дом, поверив в их силы. Уже два года, ака, они были учениками известного мастера по жидкой глине. У вас, Уста-ака, не будет с ними никаких забот – можете лежать на боку и только давать указания моим батырам, все остальное за ними!

Я тогда сказал: «Хоп-хоп», решив, что все это сказано ради красного словца, но оказывается...

Обратной дороги нет, бедные вы мои близнецы. Нет дороги. А впереди... Впереди у вас длинная-длинная жизнь, которой не позавидовал бы самый последний раб.

3

У меня это начиналось так же. Было мне, как и близнецам, лет двенадцать-тринадцать. Отец тогда впервые привлек меня к работе с жидкой глиной. Старший брат только что женился, и мы – четырнадцать душ и, хуже того, тел – до отказа заполнили собой малогабаритную двухкомнатную квартиру в сырой бетонной многоэтажке. После нескольких месяцев изнурительных, унизительных и безрезультатных поисков подходящего жилья отец решил строить дом своими силами. Настоящий обожженный кирпич и в то время шел наравне с птичьим молоком, и поэтому было решено стоять из сырца. Мы с энтузиазмом взялись за дело, и с конца мая до конца августа отлили больше шестидесяти тысяч кирпичей.

Так я – живший ожиданием прекрасного и таинственного «завтра» сентиментальный юнец – впервые познал науку землевладения.

Вставали мы до восхода солнца, съедали по целой чашке куртавы с лепешкой. И брались за работу. Начинали с того, что вытаскивали из воды, где она отмокала всю ночь, четырехгнездную форму, валяли ее в песке и только после этого бросали в гнезда приготовленную гувалу – глиняные катыши яйцеобразной формы. Излишек жидкой глины убирали с заполненной до краев формы. А загруженную форму переносили на ровную площадку и быстро переворачивали. Это очень ответственный момент в изготовлении сырца. Скорость и сноровка решают все. Если переворачивать медленно – глина потечет, и кирпич получится кривой. Я освоил и эту науку.

Я был еще совсем пацаном, да, наверное, и физически слаб. Поэтому далась она мне с большим трудом. На второй неделе я чуть не повредил себе позвоночник в пояснице. После этого любимый старший брат перевел меня на жидкую глину. Я обрадовался новому делу. Во-первых, потому что мне надоело ворочать эти тяжеленные

формы. Во-вторых, я думал тогда, что перестал мечтать из-за того, что надрывался на этих проклятых формах. Они забирали все силы... Вот теперь все встанет на свои места... Однако, – но это я понял гораздо позже – на самом деле я попал из огня да в полымя...

А сначала меня даже обуревали романтические восторги: я гордо стоял по колени в жидкой глине, опираясь на большой кетмень, и с сознанием собственной значительности взирал по сторонам, как бы говоря: «Смотрите – я уже взрослый джигит!».

Со временем я пришел к выводу, что приготовление жидкой глины – это искусство, которое не поддается теории. Глину надо чувствовать – хороша ли она или солона, жидка или суховата, сколько добавить воды или, наоборот, сухой глины. Пока я постигал это искусство, минуло три года, и я вместе с аттестатом зрелости получил уважительное звание «Уста ака».

А тогда... Едва закончили дом, понадобился хлев. Потом кухня, потом забор из гувалы, потом тандыр, потом позвали на хашар.

В общем, мне казалось, что я выбираюсь из жидкой глины только затем, чтобы поесть и поспать. Не успеваешь закончиться одна стройка – начинается другая. Особенно не могли нарадоваться на меня отец и братья – я начал приносить домой деньги. Ведь за стройматериалы для дома отец задолжал немалую сумму.

«Вот вернем долги, – убеждал я себя, когда, застыв в жидкой глине, на несколько секунд закрывал глаза, в которых темнело от усталости, – потом по-другому буду жить, по-другому...»

Долги – большое бремя. Надо освободиться. Все это временно. Потом я снова начну мечтать. Потом все будет по-другому.

В первые годы попадавшие в засоренной земле куски стекол, острые камни и другой мусор оставляли на моих ногах глубокие раны. Иногда от пятки до колена. Но со временем, когда меня стали величать Мастером, на них не оставалось даже царапины.

– Вай, Уста-ака, – говорили мои наниматели с откровенной завистью, – да у вас ноги стальные, а!

А я только отмахивался, тайно гордясь своими ногами.

Изготовление глины – работа чрезвычайно тяжелая и изматывающая. Она требует колоссальных физических сил. Глина, как пиявка, высасывает из человека всю энергию. Только обильная пища может насытить эту пиявку. И я не ограничивал себя в пище. Даже самый скупой из моих нанимателей по щедрости в пище становился равным легендарному Хатамтаю. Только горячие блюда подавали четырежды в день.

По ночам я задыхался от переедания, голова кружилась от нескольких пиалушек водки. Какое там чтение! Даже телевизор смотреть не хотелось. Одно желание – лечь и отключиться. Так и было – засыпал в то же мгновения, когда голова касалась подушки. А в полночь, словно срабатывало реле, вставал и автоматически месил глину. Потом смывал ее с ног и опять отключался. А перед восходом солнца автомат срабатывал вновь...

Но работал я отменно – до седьмого пота. Впрочем, иначе здесь работать невозможно – конкуренция большая. Даже в моем родном Узбекауле было несколько претендентов на звание «Уста».

4

Точно не помню, сколько лет прошло с тех пор, как я погрузился в жидкую глину. Но однажды ночью, закончив работу, я умылся и пошел в пристройку. И вдруг увидел, что прошел по раскаленным углям кострища, в котором хозяйка вечером сжигала мусор, – на красных угольях четко отпечатались черные следы моей босой ноги. Я решил, что пятка сожжена, и на одной ноге доскакал до чайника с водой – я был уверен, что на ступне появились волдыри. Но когда облил ногу водой, обнаружил, что с ней ничего не случилось. Ступня напоминала иссохшую землю. Как и пятки Хасана и Хусана, которые я увидел сегодня.

Сначала я решил, что сработал инстинкт самосохранения и, как пишут в некоторых книгах (в каких – уже не помню!) между кожей и раскаленными углями образовался защитный слой жидкости.

Прошло несколько дней. Я уж, было, совсем забыл об этом случае, но...

Как однообразно озорство детей!

У хозяина, который меня нанял, был сын лет десяти. Этот озорник и решил надо мной подшутить. Точно так же, как Хасан–Хусан! Однажды ночью, решив, что я сплю, он засунул между пальцами моих ног по клочку бумаги и зажег их. Старая шутка под названием «велосипед», ибо я, по идее, должен был задрать ноги и дрыгать ими так, словно кручу педали невидимого велосипеда. Я хотел было встать и наказать как следует этого хулигана. Но продолжал лежать, потому что... В последнее время мне стало казаться, что ноги мои перестали реагировать на изменение температуры. Что холод, что жара... Короче – лежу, слежу. Пацан весь дрожит от нетерпения в ожидании кульминации. Совсем как Хасан–Хусан вчера вечером. Лежу... Жду... Ничего не чувствую. Ни малейшего тепла. Бумага горит... У пацана глаза на лоб полезли – забился в истерике и выбежал из комнаты. Близнецам было легче – все же вдвоем.

Потом несколько дней избегал меня, даже заболел – обметало губы. Но молчал. Никто ничего не узнал.

На следующий день в укромном месте я провел эксперимент со своими ногами: втыкал иголку, резал ножом – и убедился, что они потеряли чувствительность до колен. В них не осталось и следа жизни. Часть ног, постоянно находящаяся в жидкой глине, сама превратилась в сухую глину...

Прошли месяцы. А может быть, годы или тысячелетия? Если сделать насыпь из всей земли, что я вымесил своими ногами, то получится гора, превышающая знаменитые египетские пирамиды...

Постепенно потеря чувствительности миллиметр за миллиметром стала ползти вверх. Я определял это время от времени с помощью иглы и ножа.

Сначала был порыв бросить к черту эту проклятую работу и найти себе другое занятие. Но у меня не было другой профессии. Я больше ничего не умел. И, главное, не желал ничему учиться. Я физически чувствовал, как мой мозг постепенно освобождается от «лишнего груза» – это было похоже на сухой шорох сыплющегося песка и...

Последнее время мне стало проще превратить в кирпич два кубометра земли, чем прочесть одну-две страницы. А эта профессия, помимо уважительного звания «Уста ака», дает еще и немалый доход. К тому же не иссякла длинная очередь заказчиков. И все – свои люди, кому откажешь – обидится.

И я, махнув на все рукой: «А, будь, что будет!», прекратил эксперименты над своим телом...

5

Пролетели годы.

Или миллионы лет.

Я забыл этот мир, а мир забыл меня...

Однажды ночью после работы я с хозяином и его гостями смотрел по «ди-ви-дишнику» эротический фильм. Было видно, что моих соседей переполняют чувственные ощущения. А у меня ни один мускул не дрогнул. Я был холоден, как глыба льда. Или... замороженной глины до пояса. А сердце еще билось...

Это открытие на месяц повергло меня в бездну мучительных кошмаров. И, как назло, именно в это время отец собрался меня женить:

– Ну что, будем жениться? В чей дом идти?.. А вообще-то, у меня давно есть уговор...

Потом появился старший брат:

– А ну, танцуй! Я тебе фотографию красавицы принес: увидишь – умрешь!

Я, естественно, как мог, отнекивался. Выискивал кучу «объективных» и «уважительных» причин для отказа. Но безрезультатно. Сваты шли косяком: снохи, тети, дяди, друзья, даже племянник...

Не мог же я им признаться, что я не могу жениться...

Поэтому однажды в полночь я взял свой чапан и незаметно покинул Узбекаул.

С тех пор я, наверное, миллионы лет странствую по аулам, у меня отличная профессия – мастер по изготовлению сырцового кирпича. А пока существует мой народ и пока он живет в кишлаках и аулах – эта профессия не исчезнет. Во всяком случае, на отсутствие клиентов я не жалею.

Правда, первое время ходил тише воды, ниже травы, словно виноватый в чем-то. Не мог смотреть людям в глаза. А когда случайно видел женщин или слышал их звонкие голоса, горькое мучительное чувство щемило сердце, и казалось, что вот-вот мир перевернется, и я закричу во весь голос: «До-о-од!..»

Тогда. Чтобы скрыть слезы, я бросался к кетменю и работал, работал, работал до изнеможения...

Но, слава Аллаху, эти муки продолжались недолго – через пару лет глиняным стало и сердце...

С тех пор я потерял счет дворам, где превратил в кирпич невероятное количество глины, где получал деньги и отправлял часть их домой, чтобы там, наконец, рассчитались с долгами. Я знал, что родня, особенно, отец обрадуется моему переводу, но это знание не доставляло мне никакой радости. Я погрузился на самое дно моря безразличия. Или на дно ямы с жидкой глиной...

Я ел, не ощущая вкуса пищи, я пил, но не от жажды, а потому что знал – пить надо. Я курил, пил водку, но лишь для того, чтобы казаться таким же, как все, чтобы не выделяться, не пугать людей. Когда все смеялись, я не забывал показывать зубы. Когда все рыдали на поминках, я пониже опускал голову и вытирал платком сухие глаза...

6

Судьба сводила меня с разными помощниками. Кто-то любитель выпить, кто-то лентяй, кто-то болтун, а кто-то молчун. Я не запоминал ни их лиц, ни их имен. С меня хватало работы.

И только однажды...

Глины не хватило. Ютившийся в хибарке хозяин был богат только на детей. И мы с помощником решили передвинуть скирду гузапай и

из маленького холмика под ней наскрести немного земли. Скирду перекинули. Я стал рыть кетменем глину, как вдруг из-под скирды выползла змея и вцепилась в ногу моего помощника, присевшего на землю. Змея так сильно впилась в его ногу, что изо рта ее показалась капля черной крови. А помощник продолжал сидеть неподвижно, словно это была не змея, а муха. На его черном лице не дрогнул ни один мускул. Наконец, он взял обессилевшую змею за хвост и с размаху шваркнул ее головой о камень. Потом швырнул на землю. Словно полутораметровый аркан. И с каким-то иступлением стал топтать босыми ногами. Он заметил, что я наблюдаю за этой экзекуцией, и только тогда прекратил ее. Сначала он растерялся, а потом взял кетмень и изрубил давно издохшую змею на мелкие кусочки. Тогда я понял, что помощник – тоже мой «близнец», но, похоже, что у него еще бьется сердце...Бедняга пометался по двору туда-сюда, а потом исчез. По-моему было ему от силы лет девятнадцать-двадцать. В армию его, как и меня, скорее всего, не взяли из-за плоскостопия. Гордый джигит... Быть может, через год другой, когда глина поднимется до пояса, он бросится под машину или с помощью петли аркана оставит этот мир. Я бы его вполне понял – сам сколько раз был готов, но... В предсмертной записке он напишет: «В моей смерти виновата...»

Хотя записки пишут сентиментальные юноши. Глиняные люди умирают молча, если не соглашаются жить миллионы лет.

Я живу.

Я буду жить еще долго-долго. Я бессмертен.

7

...Кровать опять скрипит. Не знаю, Хасан или Хусан – кто-то опять стонет. Смотрю в маленькое оконце. Скоро рассвет.

А ну, Хасан-Хусан, близняшки-барашки, подъем! За работу, мои наследники, мои «близнецы»! Сейчас выпьем по чашке куртавы и...засучим штанины. Глина ждет. Она давно готова. А меня не бойтесь. Я – это вы. Завтра. Мы все возникли из глины, туда же и вернемся. Другого пути нет.

Вчера ваш отец рассказывал, как какие-то романтики облазили все горы и леса в поисках снежного человека. Слепцы со сдвинутой крышей! Ведь бок о бок с ними живут глиняные люди...

Подъем, верблюжата мои, подъем!..

Мардикер по имени Муслим, которому исполнилось тридцать три года и который в детстве мечтал стать Поэтом, потер друг о друга высохшие ладони. На пол посыпалась сухая глина...

Перевод Владимира Васильева

ПУТЫ

Лабухи, слетающиеся на легкие свадебные деньги в Узбекаул, называют его "солнечным приютом". Уж чего другого, а солнца здесь, в самом центре Голодной степи, предостаточно. На десяти извилистых улицах Узбекаула живет около двухсот семейств, как минимум, по десять душ в каждом. Предки узбекаульцев-воинственные кочевники. На пьяных верблюдах и быстроногих арабских скакунах носились они с запада на восток и обратно, приводя в ужас иноверцев. Теперь от этих славных и суровых времен остались только обрывки гордых легенд и таинственных предсказаний. Принадлежащие аулу пастбища четверть века назад были распаханы, что именовалось "освоением целины", посему скотоводство практически исчезло. Жители аула вынуждены выращивать хлопок, который "актив" с подчеркнутой торжественностью величает "белым золотом".

Два ручейка, проползшие через шафрановую степь серебряными змейками, впадают в большое водохранилище, расположенное у южной границы аула. Этой водой поливают поля. Изредка, если природа расщедрится на снежную зиму и дождливую весну, несколько робких капель из этих ручьев достигают хауза у северной границы аула, мелеющего из года в год...

...Безмолвная ночь прекрасного месяца сунбула. Яркая луна сверкает на чистом небе, как золотая подвеска - тиллакаш, на лбу юной жены, вышедшей из гушанги после первой брачной ночи. А звезды... Звезды мерцают, словно золотые пылинки на густых черных волосах кроткой красавицы. В тишине послышались сухой кашель и приближающийся топот кирзовых сапог. Трое возвращаются с хлопкового поля. Дед, горбясь, несет на спине тяжелый кетмень, еще больше пригибающий его к земле. За ним идет Отец, повесивший на кетмень аркан и чайник. Замыкает шествие Внук, неся в руке узелок с кусками лепешки, оставшимися от обеда.

- Смотрите!-вдруг остановил Отца мальчик, схватив его за руку и громко зашептал на ухо: - Там кто-то есть!

- Где? -недовольно и устало буркнул Отец.

- Вон, - указал мальчик в сторону большой чинары в тридцати - сорока шагах справа. Там что-то белело.

- Обойти бы надо, - все так же недовольно пробурчал Отец.

Но Дед уже поравнялся с чинарой и волей-неволей пришлось его догонять. Дед шел, не поднимая головы и ничего не замечая., А Внук обежал чинару и крикнул;

- Отец, это Женщина!

От неожиданного крика Дед вздрогнул, остановился, с трудом выпрямился и поднял голову. Отец, непрерывно и неразборчиво ворча, приблизился к чинаре.

А там... Там лежала Женщина. На ней было платье из тонкого нежного шелка чистойшей белизны, похожее на оперение лебедя, убитого лебедя. Длинные густые черные волосы обрамляли белый мрамор ее нежного лица, на правой щеке черной звездочкой взошла еле приметная родинка, алые, чуть приоткрытые губы пылали, словно свежераспустившийся бутон розы, а тонкие, четкие, как крылья ласточки, брови завершали облик Восточной Красавицы, словно сошедшей с миниатюр великого Бехзада.

Она была ослепительно, ошеломляюще прекрасна!

- Нечистая сила, - вдруг испуганно забормотал Дед.- Козни Шайтана!

Облизывая пересохшие губы, Отец прохрипел глухим, севшим голосом:

- Вчера на аэродроме видел несколько чужих женщин. Из них, наверное... Эх, лучше бы мы шли своей дорогой!..

- Да, да,- закивал Дед,- надо идти. Лучше остаться без ужина, чем лишиться покоя... Где появляется женщи-на - жди беды. Надо, надо идти...

Внук, дрожа как в лихорадке, опустил на колени и, наклонившись, приложил ухо к груди Женщины.

- Бьется... Сердце бьется... Еле слышно...

В этот момент губы Женщины задрожали, как лепестки розы от

порыва ветра, и с чуть слышным стоном она выдохнула:

- Воды...

Отец бросился к каналу, но, вспомнив про сегодняшнюю дефолиацию, с полпути вернулся обратно. Хорошо, в чайнике оказалось несколько капель мутной желтой воды. С трудом проглотив эту воду, Женщина попыталась сесть, отталкиваясь от земли слабой, дрожащей рукой. Одновременно другой рукой она поспешно сжала расстегнутый ворот платья. До сих пор никто не обратил на эту деталь внимания. Теперь же Дед и Отец в замешательстве попятились, словно совершили что-то неприличное, и смущенно пытались спрятать куда-нибудь свои грязные руки. Лишь Внук продолжал старательно помогать Женщине. Наконец, глубоко дыша, она прислонилась к чинаре. Несколько минут прошло в молчании.

- Спасибо вам, дорогие, - произнесла вдруг Женщина чуть слышно.

Отец вздрогнул, словно его коснулся свежий ветерок. Этот нежный голос воскресил в его заскорузлой от пота памяти божественные мгновения, которые (о счастье!) все же выпадали на его долю. И он, не в силах удержать неожиданных слезинок, с горечью отвернулся.

Дед опять закашлялся.

Внук, не отрывая восхищенного взгляда, смотрел на Женщину.

- Вы кто? - спросил он.

- Я Женщина, - грустно ответила она. Дед в замешательстве вынул из кармана скомканный платок и вытер лоб.

- Может быть, доктора позвать? - решился, наконец, спросить он.

Женщина отрицательно покачала головой.

- Может, еще какая помощь нужна? - совсем осмелел Дед.

Женщина опять молча отказалась.

- Тогда... Мы пойдем, - сказал Отец. - Устали. Пора отдыхать.

- Я вас узнал, узнал... - вдруг покраснев, заикаясь, заговорил Внук.

- Я вас видел раньше... или в телевизоре. . в балете... или... или... во сне...

Отец сделал несколько решительных шагов к дороге.

- Если вам необходимо куда-то идти... - остановился он. - Если вас

нужно проводить...

Женщина, понуро покачав головой, отказалась.

- От дурного запаха закружилась голова, и вот... Я вам очень признательна...

- Тогда... мы пошли, - пробормотал Дед.

- Будьте здоровы. Я не забуду вашу доброту. Да благословит вас Бог.

Первым стронулся Дед. За ним, тяжело переставляя ноги, словно отлитые из свинца, двинулся Отец. Внук в нерешительности стоял на месте. Вдруг Женщина встала одним легким движением, как будто распрямилась упругая пружина. Внук видел, что она хочет что-то сказать, но не решается.

И все же решилась:

- Постойте, уважаемые... Вы... Вы летать не хотите?

- Что-о?! - Дед и Отец, как по команде, остановились и разом оглянулись.

Женщина, спеша продемонстрировать, торопливо взмахнула руками.

- Вот, смотрите... Вот так... Смотрите... - И она взлетела! То есть плавно поднялась до верхушки чинары и так же плавно опустилась точно на то место, с которого взлетела.

Дед, в ужасе воскликнув: "О, Аллах!", крепко закрыл глаза и быстро, словно спасаясь, забормотал молитву. Отец, остолбенев, разинул рот и стоял, забыв его закрыть. А внук, восторженно подпрыгивая и хлопая" в ладоши, во весь голос кричал: "Полетела! Полетела! Полетела!"

- Жодугар это! Ведьма, ведьма!.. Молитесь, дети мои, пусть это нерожденное женщиной исчадие преисподней исчезнет с глаз! Молитесь! Ла илаха иллаллаху...

Старик был в истерике. Женщина пристально посмотрела на него, приковав к себе его взгляд.

- Дедушка, дедушка, милый дедушка, - заговорила она своим чарующим голосом. - Забудьте о нечистой силе, поверьте: летать - это очень просто. Вот смотрите,- босоногая Женщина прошла по пыльной дороге, не касаясь ее, так, что ни одна пылинка не шелохнулась. -

Дедушка, расслабьтесь, почувствуйте себя свободным, представьте, что вы сейчас в постели из мягких невесомых облаков... Думайте о том, как прекрасна наша Земля, когда смотришь на нее с высоты... Вы - птица, летящая под облаками... Вы протягиваете руку и собираете горсти жемчужных звезд... Вот... Вот!..

Великое Солнце подхватывает вас горячими лучами и поднимает выше, выше, выше!.. Под вашими ногами лениво проплывают облака, а вы все продолжаете подниматься... Вот и огненный шар Солнца пролетает мимо и остается где-то позади, а вас подхватывают лучи других солнц Великой Вселенной, несущей в себе восемнадцать тысяч миров, подобных Земле... Летите же, дедушка! Летите!.. Хотя бы на несколько мгновений оторвитесь от этой грешной земли... Летите! Ведь у вас легкая ноша, вы - перышко филина, вы - лепесток, который даже слабый ветерок высоко-высоко поднимает в своих ладошках. Летите же!..

Но Дед, словно столб, стоял на месте и даже не шелохнулся. Женщина растерялась.

- О чем вы думаете?! - с тоской спросила она.

- Все о том же, - покорно признался Дед. - Поскорее бы добраться до дома, перекусить чего-нибудь... и спать... спать... Завтра у нас так много работы...

Женщина резко отвернулась и бесшумными быстрыми шагами приблизилась к Отцу.

- Отец, думайте обо мне, что угодно, но верьте моим словам... Я прошу Вас.

Бросьте это барахло, которое сковало ваши руки, забудьте мелочные заботы, не стоящие ломаного гроша. Станьте свободным!.. Ведь в старину мужчину не считали мужчиной, если он даже в родном ауле ходит, рабски согнув спину. А ну-ка, распрямите спину, расправьте плечи, дышите глубоко и свободно! Вы - свободный человек!.. Когда-то в молодости вы стремились улететь в Неведомое. Помните?.. Летите же теперь! Летите! Оно ждет вас... Ваши обрезанные -крылья отросли вновь. Летите!.. Человек создан для полета! И да будет благословенно то священное мгновение, которое подарило вам счастье полета!..

И в этот момент... В этот момент кетмень выскользнул из рук Отца и со звоном упал на землю вместе с чайником и арканом. А сам Отец поднялся метра на два над землей, словно его подняли на невидимой веревочке, и тут же опустился на прежнее место. Но не упал, не пошатнулся.

- Отец летает!-радостно воскликнул Внук.

- О чем вы думали?! - со слезами на глазах спросила Женщина.

Растерянно переводящий взгляд с земли на небо и обратно Отец уныло пробормотал себе под нос:

- Все о том же... У нас во дворе всего одна корова, а я сегодня не смог накосить травы даже на два снопа - все обработано химикатами. Не знаю, как теперь встретит жена... Младшему скоро исполнится шесть лет, а мы до сих пор не сделали обрезание... Наверное, завтра-послезавтра придется просить займы тысячи две у заведующего хлопунктом... Старший скоро вернется из армии, надо готовиться к свадьбе, опять нужны деньги, деньги...

Женщина вдруг схватилась за грудь, словно пуля попала ей в сердце, побледнела и, шатаясь, повернулась к Внуку. Упала на колени и, рыдая, стала умолять:

- Лети, деточка, лети, мальчик ты мой! Хоть ты... Ни о чем не думай, ни на что не оглядывайся... Ведь ты еще совсем ребенок, чистый, как ангел...

Тебя еще ничто не приковывает к этой земле. Ты свободен! Лети же, мальчик мой, лети!..

И Внук полетел.

Женщина стояла на коленях, не отрывая глаз от взлетающего мальчика, и рыдала, и смеялась, и молила, и молилась...

- Лети, мальчик мой, лети! Я знала, я верила, я надеялась. Ведь человек рожден для полета! Лети, дитя, мое, не бойся! Ты - Свободный Человек...

- Верни его! - закричал Дед, злобно выпучив глаза. - Сейчас улетит! Держи его!

- Ну... по-моему... он попал в плен, сам того не желая... - нерешительно мямлил Отец.

- Ерунда! - отмахнулся Дед. - В плен попадают только предатели!

Забыл?

Отец вытянулся по стойке "смирно".

- Так точно. В тот момент, когда на наших бескрайних полях идет невиданный бой за "белое золото", этот бесстыжий пацан, этот предатель... - Видимо, в Отце в этот момент пробудился его далекий предок, потому что он, не думая о том, что делает, впервые в жизни ловко метнул аркан вслед улетающему сыну. Аркан летел, подобно змее выпрямляясь и удлиняясь в полете и, наконец, пастью петли вцепился в ногу мальчика. Дед и Отец крепко вцепились во второй конец аркана и, кряхтя от натуги, общими усилиями вернули беглеца на землю.

Дед вытер пот со лба и вlepил Внуку пощечину.

Внук не заплакал. Казалось, он даже не заметил пощечины, неотрывно, замороженно глядя на небо.

Женщина, словно тяжелобольная, с трудом поднялась, подошла к Внуку и поцеловала его в лоб. Придавленная горем, она еле слышно произнесла:

- Прощайте... Да не оставит вас Бог... И, понурившись, медленным траурным шагом стала удаляться.

- Сестрица!-громко рыдая, устремился за Женщиной Внук, забыв, что на ногах у него путы... И упал лицом в пыль.

- Прекрати! - резко оборвал его Дед. Отец, собиравший с земли брошенные вещи, удивленно произнес:

- Смотрите, она не оставила следов!..

И правда, на пыльной дороге видны были только следы кирзовых сапог.

- Я же говорил, я же говорил, - злорадно затараторил Дед, - нечистая сила, ведьма... Ничего, скажу старухе - она завтра принесет жертву злым духам...

И они в прежнем порядке двинулись к дому.

Зашла луна, мир погрузился в темноту...

Дед в эту ночь съел полторы чашки супа, потом выловил картошку-морковку из двух нетронутых чашек. А утром приказал старухе принести жертву злым духам.

Отец несколько дней не находил себе места, затем забылся в

потоке каждодневных забот. Но недели через три, когда на небо вошла полная луна, сердце Отца начало биться часто-часто, не давая ему уснуть. Беспокойство все нарастало, и тогда Отец потихоньку встал с постели, на цыпочках подошел к дувалу, перелез через него, прибежал к чинаре и до раннего утра оставался на том месте. Он думал о своей жизни, беззвучно плакал, шепотом молился и даже... о чудо!..

Но это - то, что происходило с ним каждое полнолуние,- совсем другая история...

А Внук, будь то день или ночь, как только выдастся несколько минут свободного времени, стрелой мчится на это чудесное место к чинаре. И даже - о, чудо!..

Но и это совсем другая история.

А сей рассказ закончим многоточием...

Перевод с узбекского Владимира Васильева

ЭКСПЕРИМЕНТ ПРОФЕССОРА ХАКИМОВА

Огромный двор гудел, словно...

С чем сравнить это непередаваемое смешение слабого ропота, негодующего рокота, стыдливого шепотка и нервного смеха, за которыми абитуриенты и их бесчисленные болельщики пытаются скрыть искреннее волнение перед мандатной комиссией? Хоть я работаю в "Вечерке", а эта газета, надо сказать, не пользуется особым авторитетом среди журналистской братии, числюсь я все же фельетонистом. Поэтому человеку в моей должности стыдно останавливаться на многоточии, теряться в поисках неожиданного сравнения. Я и не теряюсь. Доказательство тому у вас перед глазами. Итак...

Огромный двор гудел, словно компрессор, которым не пользовались так долго, что в нем прочно обосновались дружные пчелы, и о котором вдруг вспомнили и включили.

Всякий раз, когда оживал динамик, установленный на балконе второго этажа, главные действующие лица и их опекуны замирали как по команде и скрещивали на нем взгляды. А тот, словно издеваясь над утомленными ожиданием людьми, шипел, хрипел, как горячая вода в испорченном смесителе, и... замолкал, чтобы вскоре начать сызнова.

Нашему ожиданию, казалось, не будет конца. Я с племянником Турсунбаем оказался в числе счастливицков, которым досталось место на скамейке в тени раскидистого дерева. Безжалостные секунды уносились своим чередом, и мне казалось - уже ничто не нарушит их безостановочного марафона, как вдруг Турсунбай встрепенулся, наморщил лоб и принялся озираться, словно услышал чей-то зов. Наконец он поднял глаза кверху, улыбнулся, дернул меня за рукав и взволнованно зашептал:

- Дядя, смотрите, ИЛ-86!
- Чему ж тут удивляться? На то он и самолет, чтобы летать.
- Да ведь это не обычный самолет, это аэробус. За час он

покрывает...

Ох, и племянник у меня! Если его вовремя не остановить, он вам будет рассказывать о самолетах до тех пор, пока у вас голова не закружится от обилия марок, цифр и имен известных летчиков. Тот, кто незнаком с Турсунбаем, обычно через пять минут разговора спрашивает, в каком авиационном училище он учится. А он нигде еще не учится, он только поступает, и уж, конечно, не в авиационный. Нашей семье только этого не хватало.

Я уж было собрался одернуть некстати разошедшегося племянника, но меня отвлекли. Моя соседка - пожилая женщина в сбившемся на сторону платке, в стеганом чапане и галошах на босу ногу, до сих пор растерянно молчавшая, неожиданно расплакалась. Неотлучно находившийся подле нее паренек с руками, скорее приспособленными корни корчевать, а не перелистывать хрупкие страницы учебника, тяжело вздохнул и отошел от скамейки. Тут только я заметил стоявшего за ним подростка. Он был очень похож на "тракториста" так я назвал про себя парня с впечатляющими руками. Из дальнейшего разговора выяснилось, что они и в самом деле родня. Пожилая женщина приходилась им матерью.

- Зачем же раньше времени расстраиваться? - мягко обратился я к ней. Надо всегда надеяться на лучшее. Глядишь - и вам улыбнется судьба.

Она ничего не сказала. Только посмотрела на меня доверчиво и суетливо принялась утирать слезы. За маму ответил ее младшенький.

- Уж очень конкурс большой. А у него, - он кивнул на маячившего неподалеку "тракториста", - сплошные "тройки".

Мне оставалось лишь развести руками. Но подросток, видимо, обрадовавшись возможности скоротать время, с увлечением принялся рассказывать о сконструированном его старшим братом устройстве, предназначенном уже и не припомню для чего. Запомнил лишь, что это устройство применяют чуть ли не по всей, далекой от нашей столицы, области.

Мысленно я взвесил шансы на поступление в институт изобретателя из провинции и счел их ничтожными. Но рассказ подростка пробудил во мне интерес к другим соискателям на место в

студенческой аудитории, и я с интересом прислушался к монологу своего соседа справа, мужчины внушительного вида. По всему было видно: этот из тех, кто не привык повторять дважды одно и то же. Но по беспечному виду нехотя внимавшего ему юноши в одежде, чуть ли не сплошь состоявшей из фирменных наклеек, можно было заключить, что на этот раз важному лицу досталась не самая благодарная аудитория, и ему приходилось прилагать усилия, чтобы этого не замечать.

- Ты, сынок, - увещевал он равнодушного собеседника, - с первых же дней крепко держись за Асамиддина-ака. Постарайся стать старостой группы. С преподавателями будь предельно вежлив, они это любят.

Сомневаться не приходилось: для важного лица его чадо числилось в студентах еще до мандатной комиссии. Признаться, я был такого же мнения о своем племяннике, но ведь так думать у меня были все основания: Турсунбай сдал экзамены только на "отлично" и "хорошо", причем отличных оценок у него было больше.

- Мандатная комиссия, возглавляемая профессором Хакимовым... отхрипев, заверещал динамик, и моя соседка слева вновь разразилась рыданиями, а сын важного лица, словно нехотя, поднялся со скамейки и стал поправлять прическу.

- ...приглашаются: Улашев Мамарайим!..

Рядом раздался исполненный восторга крик, и "тракторист" - вот неожиданность! - со всех ног бросился к раскрытым дверям института. Кричал его младший брат, в то время как мать никак не могла поверить в выпавшее и на ее долю счастье.

Я напряг слух. Одного за другим выкликали по именам новоиспеченных студентов, и это продолжалось довольно долго, а кончилось тем, что динамик прохрипел: "Все". И умолк на целый год, до следующей мандатной комиссии. На важное лицо трудно было смотреть: на нем лица не было. Вскочив со скамейки как ужаленный, он бросился к телефонной будке.

Я и Турсунбай не проронили ни слова. Но если я потерял дар речи потому, что был ошарашен чудовищной несправедливостью, постигшей моего племянника, то он не проронил ни звука совсем по

другой причине: в небе проплывал очередной самолет...

На следующее утро ваш покорный слуга явился на факультет невыспавшийся, но во всеоружии неопровержимых фактов, свидетельствующих о грубом нарушении мандатной комиссией действующих правил приема в вузы. Остаток вчерашнего дня и часть ночи ушли у меня на встречи со множеством людей, большинство которых составляли неудачливые абитуриенты и их родственники, а также на сортировку собранных сведений. Теперь я готов был предъявить мандатной комиссии два обвинения. Первое из них состояло в том, что оценки тех, кто не дождался вызова на комиссию, как правило, были выше оценок новоиспеченных студентов. Второе обвинение касалось вполне конкретного лица - председателя мандатной комиссии профессора Хакимова. Как я узнал от других членов комиссии, профессор вообще составил список кандидатов в первокурсники, не сверяясь с экзаменационными ведомостями.

Когда дошла очередь, я вошел в кабинет Хакимова, держа в уме вполне созревший план нашей беседы. С первого же взгляда лицо уважаемого профессора показалось мне не внушающим доверия, даже неприятным. Передо мной сидел не человек, а бесформенная глыба, колышавшаяся при каждом движении, как прихваченный морозом студень. Там, где глыба была перетянута галстуком, начиналось обрюзгшее лицо с мясистым носом, увенчанное желтой, под стать студню, лысой макушкой. Увидев этого монстра, я еще больше утвердился в желании вывести его на чистую воду.

- Дело в том, что мой племянник получил на экзаменах две пятерки и четверку...

- Фамилия? - оборвал меня профессор.

- Халиков, Турсунбай Халиков.

Хакимов снял лист с верха высящейся перед ним на столе кипы бумаг и быстро пробежал его глазами. Наконец он нашел нужное и вновь взглянул на меня.

- Получи ваш племянник даже все пятерки, мы все равно не смогли бы его принять, - сухо произнес он.

- Мне известно, - дрожащим голосом произнес я, - что студентами стали даже круглые троечника.

- И что с того? - невозмутимо ответил он.

Вот когда пришел мой черед перейти в наступление по всему фронту. Я медленно взвесил в руке свою объемистую папку и спросил:

- Знаете ли вы, уважаемый профессор, что в этой папке?

- Вероятно, что-то вроде досье на меня, не так ли?

- Угадали. И я сейчас же отнесу этот материал куда следует.

- Вы уверены, что знаете, куда следует относить дезинформацию? улыбнулся мой собеседник. Я уже собрался ответить выпадом на выпад, но он внезапно предложил мне сесть и протянул скользкий, блестящий предмет.

- Это магнитный браслет, - пояснил он. - Вы, наверное, знаете, для чего он предназначен.

Конечно, я был в курсе. Совсем недавно один мой знакомый журналист-международник привез из Японии похожий браслет. Он объяснил, что эта блестящая штуковина улучшает кровообращение и, как следствие, благотворно влияет на весь организм, включая механизмы мышления в памяти. Но вот для чего профессор протягивает его мне?

- Не подумайте, что это взятка, - словно угадал он мои мысли. - И даю я вам браслет не насовсем, а на время нашего с вами общения. Кстати сказать, на устных экзаменах и предварительном собеседовании каждый абитуриент отвечал на вопросы экзаменаторов с таким же браслетом на запястье: мы пытались максимально помочь ребятам раскрыться. Нам с вами предстоит непростой разговор, а с этим помощником вести его вам будет полегче. Так что возьмите.

- Что ж, я надену этот браслет. Признаюсь: мне хочется на пять минут стать одним из несчастных абитуриентов, чтобы понять вашу манеру вести с ними беседу.

С этими словами я нацепил браслет на руку, иронично посмотрел на профессора и сказал:

- Позвольте представиться...

- Теперь в этом нет нужды, - перебил меня Хакимов. - Зовут вас Акбаром Халиковым и работаете вы в отделе культуры "Вечерки", не так ли?

Честно признаюсь, услышав его слова, я обомлел и не сразу пришел в себя.

- Итак, вы пришли ко мне вот с этим, - он коротко кивнул на папку, чтобы поставить в известность о фельетоне, который вы собираетесь посвятить, в основном, моей скромной персоне.

- Вы совершенно правы, - ответил я благодушно. К этому времени я уже успел справиться с пережитым потрясением и вполне овладел собой.

- Я не из тех, кого может лишить уверенности в себе газетный фельетон, - продолжал профессор, - и все же просил бы вас не спешить с его публикацией. Дело в том, что в руках противников моего эксперимента он может стать действенным орудием.

- О каком эксперименте речь? - на всякий случай поинтересовался я, будучи уверен, что это какой-то подвох.

- Объясню в двух словах. Да будет вам известно, что своей основной работой я считаю все-таки занятия наукой, а не воспитание инженерных кадров. Лишь совсем недавно эти мои увлечения пересеклись. Так получилось, что мне удалось сделать скромное открытие, я изобрел вот это. - Он указал толстым, как сарделька, пальцем, на стянувший мое запястье браслет. - С помощью этой штуки я могу читать ваши мысли. Что я, собственно, и делаю во время нашего с вами общения.

Услышав это признание, я поспешно стянул браслет с руки, бросил его на стол и собрался уйти: не хватало еще, чтобы меня превратили в подопытного кролика.

- Благодаря своему изобретению, я получил возможность как следует разобраться в наших абитуриентах, чтобы с большей вероятностью определить их подлинные пристрастия. Ведь не секрет, что в вузах не уменьшается количество студентов, бросающих учебу уже на первом курсе. Причины тут разные, но в основном сказывается несамостоятельность выбора будущей профессии и, как следствие, недостаточный к ней интерес. Взять хотя бы вашего племянника...

- Интересно будет узнать, чем вам не угодил мой племянник.

- Он не мне не угодил, этого от него и не требовалось. Ваш племянник мечтает о небе, он просто бредит самолетами. Ну,

посудите сами: взяли бы мы его в наш институт, и что? Спустя полгода, он бы бросил учебу, зря потеряв драгоценное время и растратив даром немалые государственные средства. Или вы думаете, что было бы иначе?

Признаться, я уже стал колебаться в своем решении писать фельетон. Доводы профессора убеждали. Но сразу признать себя побежденным мне было нелегко. К тому же он убедил меня далеко не во всем.

- Скажите честно, а вы не боитесь ошибиться? - задал я мучивший меня вопрос. - Если вы помните, в свое время преподаватель математики говорил юному Эйнштейну, что гранит пауки ему всегда будет не по зубам.

- Ошибиться я очень боюсь, - признался Хакимов. - Но гораздо больше я боюсь увеличить число нерадивых студентов. К тому же, - добавил он и улыбнулся, - не забывайте, что у того педагога не было моего браслета...

Удивительное дело: покидая кабинет профессора, я не чувствовал себя побежденным, хотя победителем в нашем блиц-турнире, несомненно, был мой собеседник. Вот так вышло, что я ничем не смог помочь своему племяннику...

Да, чуть было не забыл! Через год мы проводили его в авиационное училище. И хотя приняли его без волшебного браслета, курсант он отличный.